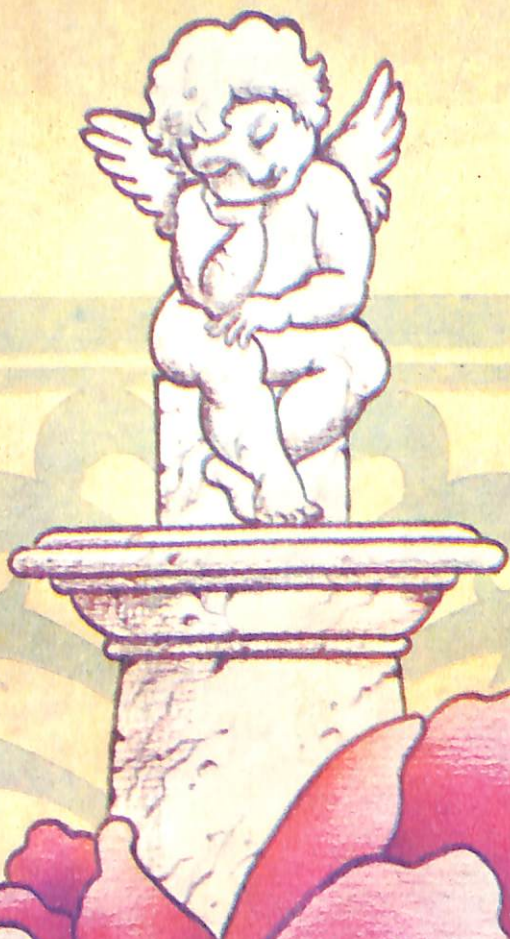

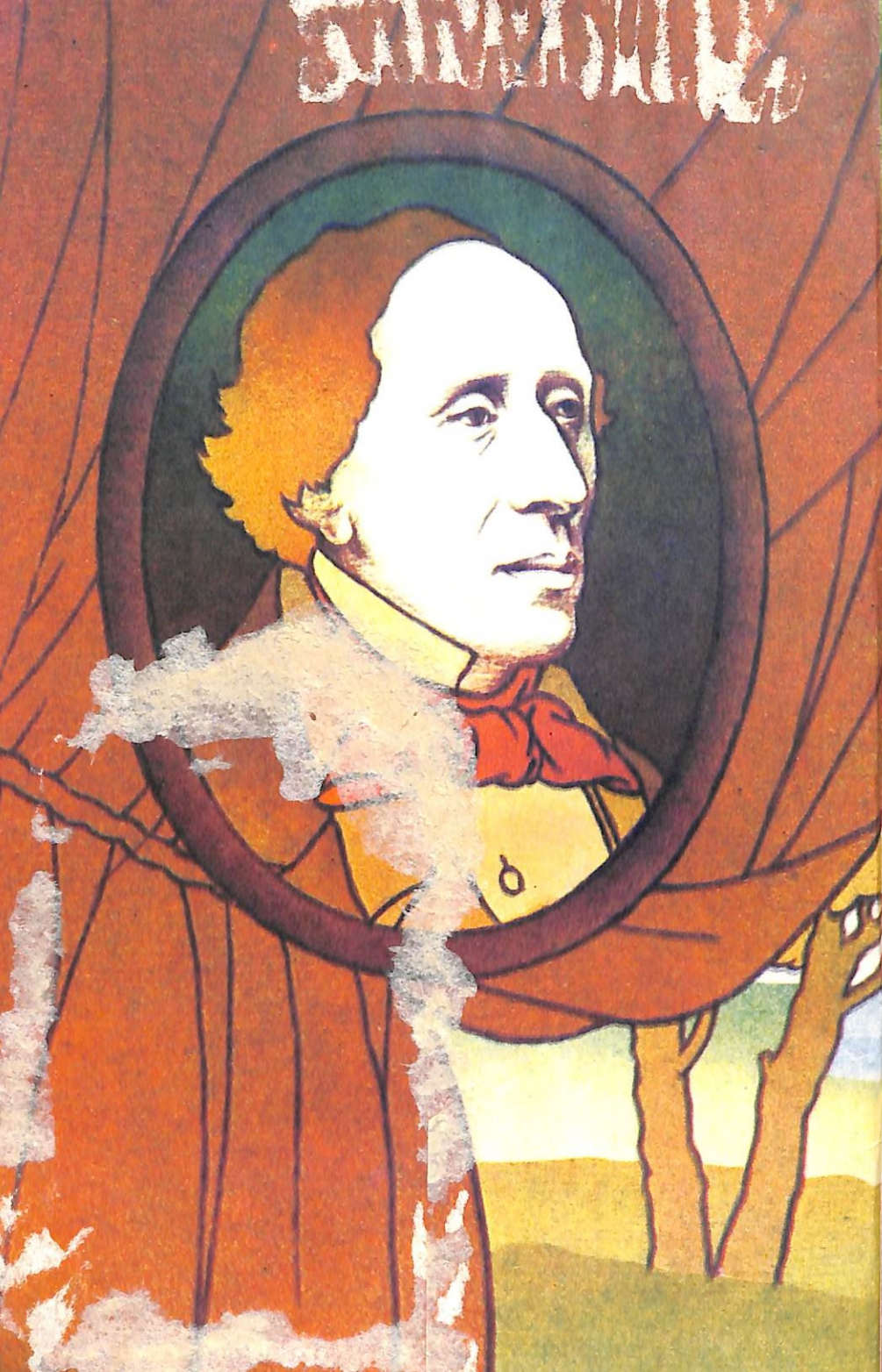
A
A.65

Г.-Х. АНДЕРСЕН

РОМАШКА

ПЯТЕРО ИЗ ОДНОГО
СТРУЧКА

АНДЕРСЕН

А
А. 65

Г.-Х. АНДЕРСЕН

РОМАШКА
ПЯТЕРО ИЗ ОДНОГО
СТРУЧКА

Азербайджанская Республиканская
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
г. Баку, Ф. Кочераев
Инд. 178091

фрзкг 2015

Ставропольское книжное издательство 1984г.

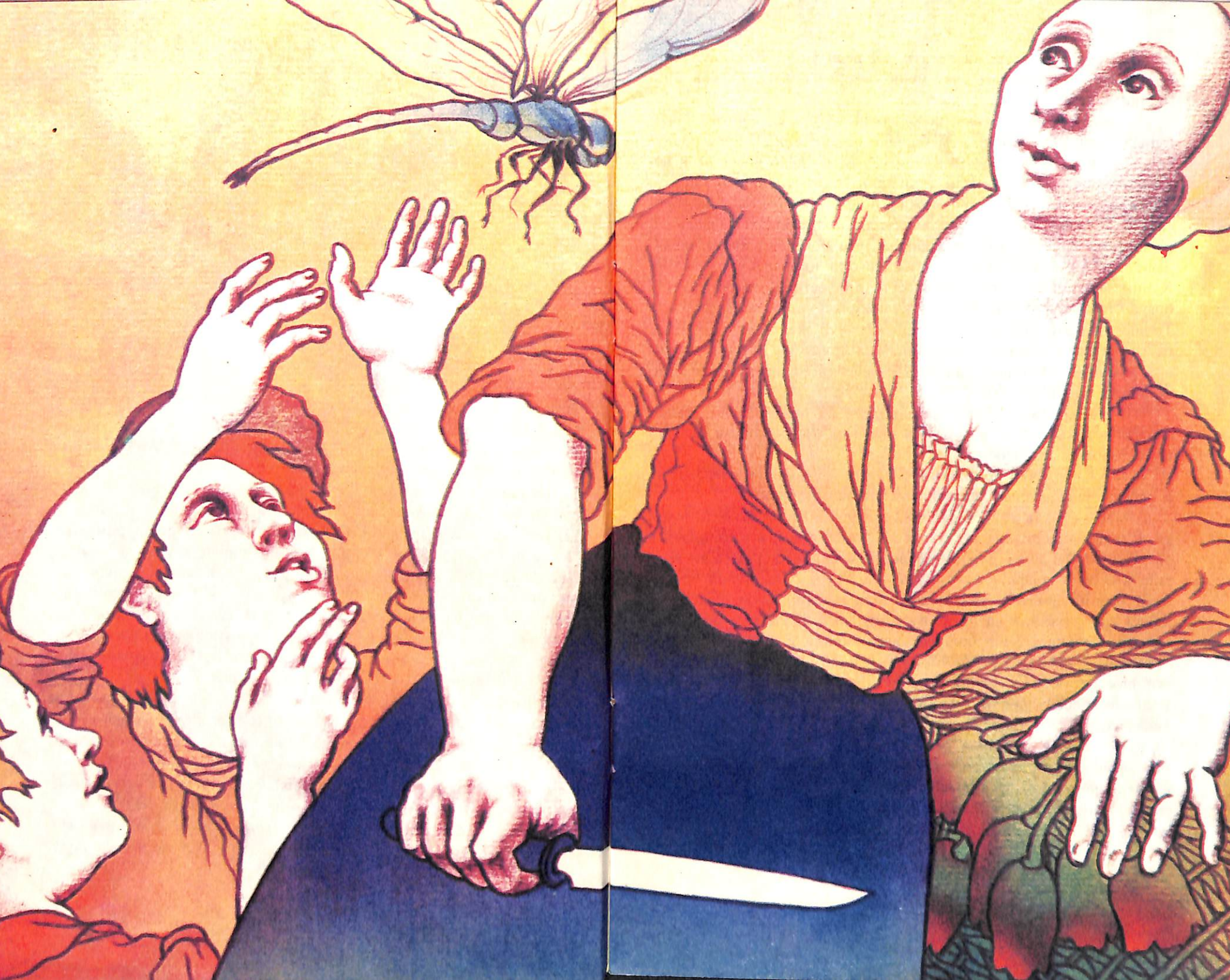
РОМАШКА

Вот послушайте-ка, что я расскажу.

За городом, у самой дороги, стояла дача. Ты, верно, видал её? Перед ней небольшой садик с цветником, а вокруг крашеный деревянный забор.

Неподалёку от дачи, у самой канавки, росла в мягкой зелёной траве крохотная ромашка. Солнечные лучи грели и ласкали её так же, как и роскошные садовые цветы, и наша ромашка росла не по дням, а по часам. В одно прекрасное утро её мелкие ослепительно белые лепестки наконец раскрылись и, словно лучи, окружили жёлтое сердечко посередине. Ромашку ничуть не заботило, что её никто не видит в густой траве и что она такой простой и невзрачный цветок,— нет, она была довольна всем; повернувшись к солнцу, она любовалась им и слушала, как где-то высоко-высоко в небе поёт жаворонок.

Ромашка была так счастлива, как в большой праздник,— а был всего только понедельник; все дети сидели в школе и чему-нибудь учились. Наша ромашка тоже сидела на своём зелёном стебельке и училась у ясного солнца и у всего вокруг и думала, как бог всё хорошо устроил. Ромашке казалось, что жаворонок так понятно и красиво поёт о том, что чувствует она сама; и она почти с благоговением смотрела на счастливую пташку, которая летала и пела. Но сама ромашка ничуть не печалилась,

что не может ни петь, ни летать. «Я ведь вижу и слышу!— думала она.— Солнце освещает меня, ветерок целует. О, как много мне дано!»

За забором цвело так много важных, гордых цветов, и чем меньше они благоухали, тем больше важничали. Пионы раздувались — им хотелось стать крупнее роз; но дело вовсе не в величине. Пестрее всех были тюльпаны, они отлично знали это и старались держаться возможно прямее, чтобы больше бросаться в глаза. Все они не замечали молоденькой ромашки, росшей по другую сторону забора. Зато ромашка часто заглядывалась на них и думала: «Какие они нарядные, красивые! К ним непременно прилетит в гости прелестная птичка! Слава богу, что я расту так близко и вижу всё это великолеpie!» Только она это подумала, «квирревит» — и жаворонок спустился... не в сад к пионам и тюльпанам, а прямо на траву к скромной ромашке! Ромашка так растерялась от радости, что просто не знала, что и думать.

Птичка прыгала вокруг ромашки и распевала: «Ах, какая мягкая травка! Какой миленький цветочек в серебряном платьице, с золотым сердечком!»

Жёлтое сердечко ромашки и в самом деле сияло, как золото, а ослепительно белые лепестки отливали серебром.

Ромашка была так счастлива, так рада, что и сказать нельзя. Птичка поцеловала её, спела ей песенку и опять взвилась в синее небо. Прошла добрая четверть часа, пока ромашка пришла в себя. Сконфуженная, но в душе очень довольная, взглянула она на цветы в саду, — они ведь видели, какое счастье и какая честь выпали ей на долю, кому же и оценить это, как не им! Но тюльпаны ещё больше заважничали и, обиженные, покраснели с досады, а толстоголовые пионы надулись. Хорошо, что они не умели говорить, — досталось бы от них ромашке. Бедняжка сразу поняла, что они не в духе, и от души пожалела их.

В это время в садике показалась девушка с острым, блестящим ножом в руках. Она подошла прямо к тюльпанам и принялась срезать их один за другим. Ромашка ахнула: «Какой ужас! Теперь им конец!» Срезав цветы, девушка ушла, а ромашка порадовалась, что растёт за забором в траве, где её

никто не видит. Она поблагодарила судьбу, а когда солнце село, свернула лепесточки, заснула и всю ночь видела во сне солнце и маленькую птичку.

Утром, когда ромашка опять расправила лепестки и протянула их, словно руки, навстречу воздуху и свету, она узнала голос жаворонка: птичка пела, — но как грустно! Бедняжка попала в западню и сидела теперь в клетке, висевшей у раскрытого окна. Жаворонок пел о том, как отратно летать на свободе, над свежей зеленью полей, о том, как хорошо и привольно было ему подниматься ввысь на своих крыльях. Тяжело, тяжело было у бедной птички на сердце, — она была в плену.

Ромашке всей душой хотелось помочь пленнице, но как это сделать? И она совсем перестала замечать, как хорошо вокруг, как греет солнце, как блестят её белые лепестки; она думала только о бедной птичке и о том, что ничем не может ей помочь.

Вдруг из садика вышли два мальчугана; у одного из них в руках был такой же большой и острый нож, как тот, которым девушка срезала тюльпаны. Мальчики подошли прямо к ромашке, которая никак не могла понять, что им было тут нужно.

— Вот здесь можно вырезать славный кусочек дёрна для нашего жаворонка! — сказал один из мальчиков и, глубоко запустив нож, начал вырезать четырехугольный кусок дёрна; ромашка очутилась как раз в середине его.

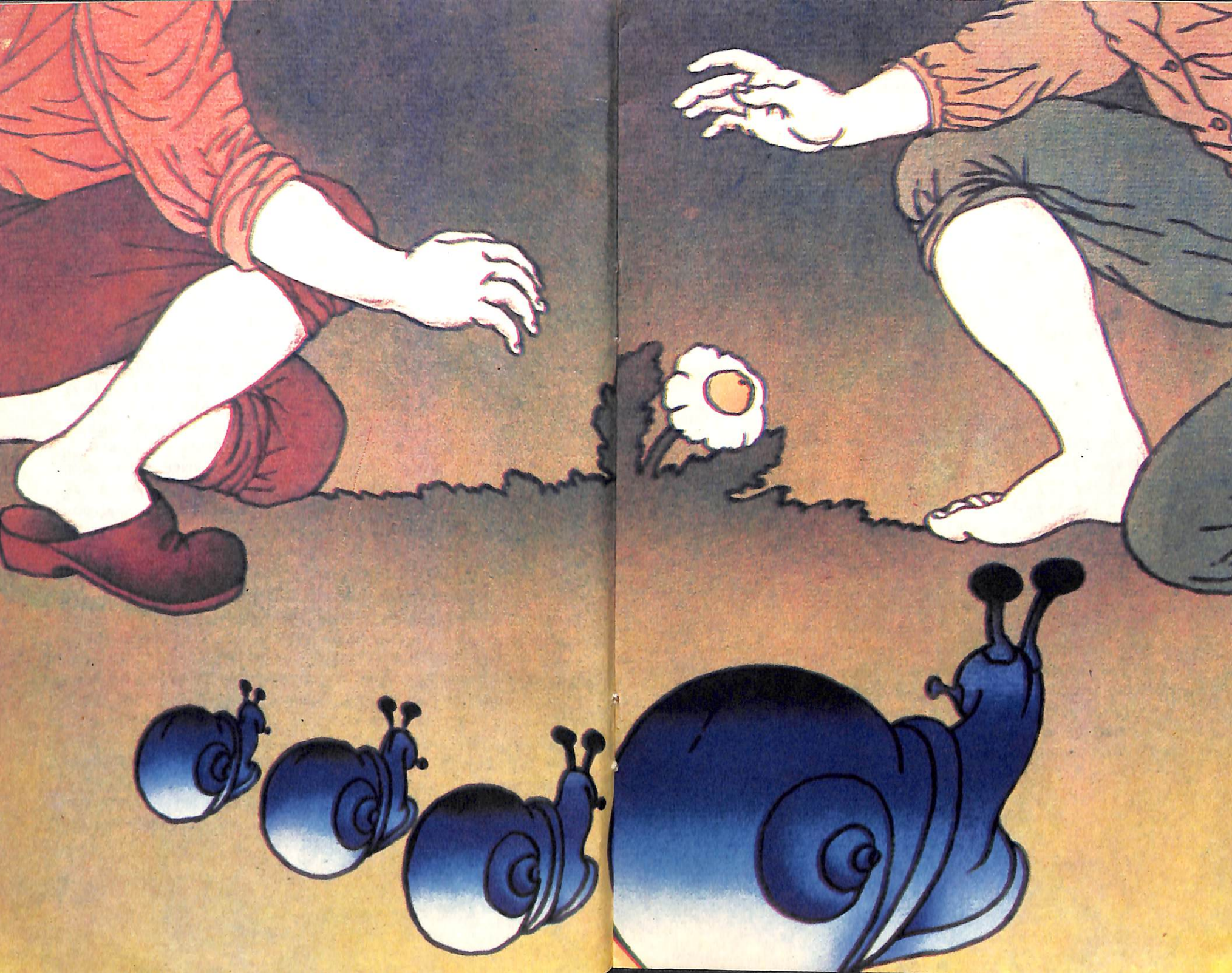
— Сорви цветок! — сказал другой мальчик; и ромашка затрепетала от страха: если её сорвут, она умрёт, а ей так хотелось жить, чтобы попасть в клетку к бедному пленнику!

— Нет, лучше оставь, — сказал первый из мальчиков. — Так красивее.

И ромашка попала в клетку к жаворонку.

Бедняжка громко жаловался на свою неволю, метался и бился о железные прутья клетки. Бедная ромашка не умела говорить, не могла утешить его ни одним словом, хоть ей очень это хотелось! Так прошло всё утро.

— Тут нет воды, — жаловался жаворонок. — Они забыли дать мне питья. У меня пересохло в горле. Я весь горю и меня знобит. Ах, мне тяжело дышать! Я должен умереть, расстаться с солнечным светом, со свежей зеленью, со всем божьим миром!

Чтобы хоть сколько-нибудь освежиться, жаворонок глубоко вонзил свой клюв в свежий, прохладный дёрн; тут он увидел ромашку, кивнул ей, поцеловал её и сказал:

— И ты завянешь здесь, бедный цветик! Взамен всего мира, которым я владел на воле, они дали мне тебя да этот клочок зелёного дёрна. Каждая травинка должна быть для меня зелёным деревцом, каждый твой лепесточек — благоухающим цветком! Увы! Вы все только напоминаете мне, чего я лишился!

«Ах, чем бы мне утешить его!» — думала ромашка, но не могла шевельнуть ни одним листочком, зато её нежные лепестки благоухали гораздо сильнее, чем обычно. Это заметил и жаворонок и, хотя он изнемогал от жажды, не тронул ромашки, а только выщипал всю траву.

Вот и вечер пришёл, а никто так и не принёс воды бедной птичке. Тогда она распустила свои красивые крылышки, судорожно затрепетала ими и ещё несколько раз жалобно пропищала:

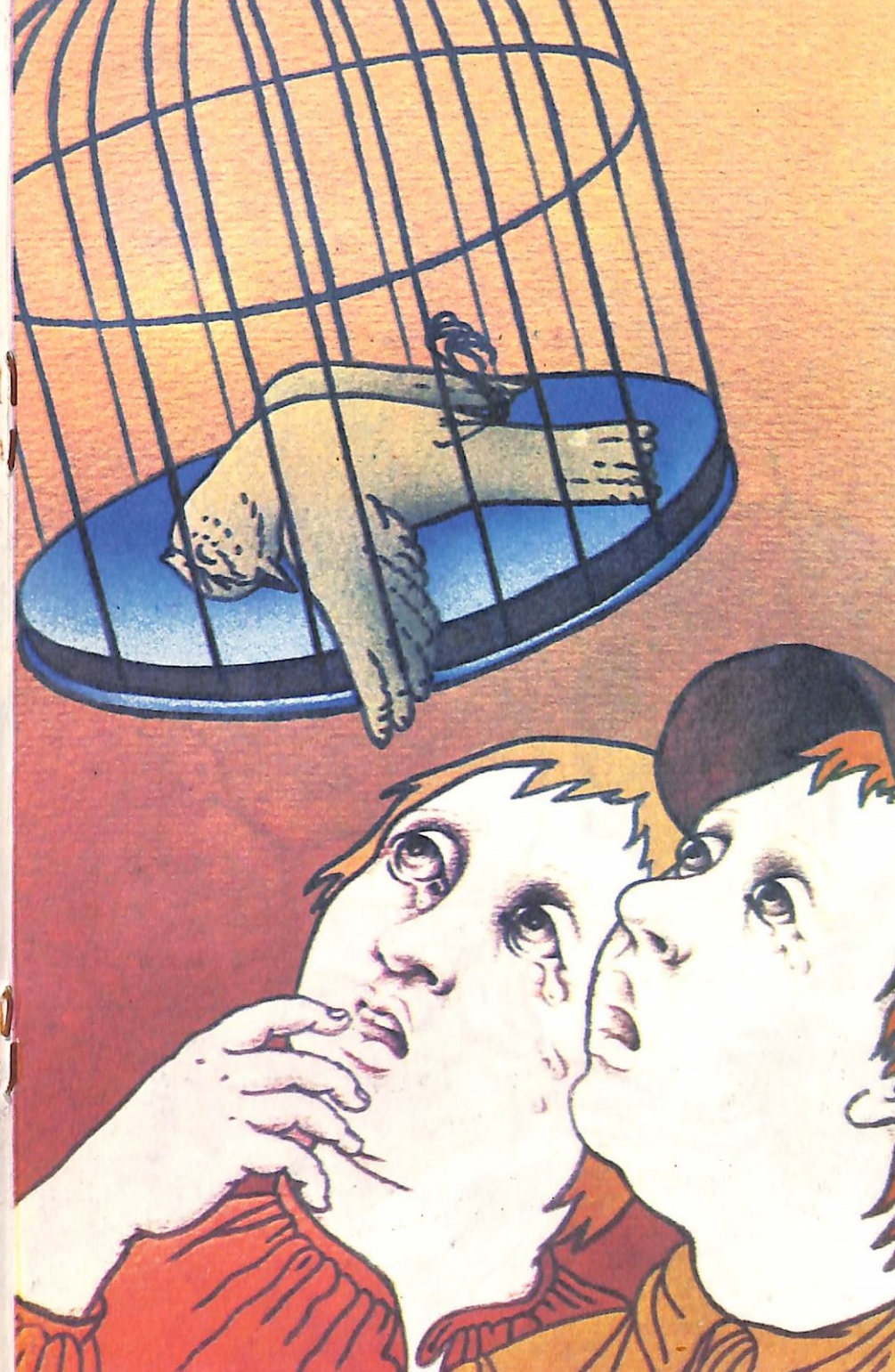
— Пить! Пить!

Потом головка её склонилась набок и сердечко разорвалось от тоски и муки.

Ромашка не могла свернуть своих лепестков и заснуть, как накануне: она поникла, грустная и больная, и склонилась к земле.

Только на другое утро пришли мальчики и, увидав мертвого жаворонка, горько-горько заплакали, потом вырыли ему могилку и всю её украсили цветами, а мёртвого жаворонка положили в красивую красную коробочку, — его хотели похоронить по-царски. Бедная птичка! Пока она жила и пела, они забывали о ней, — посадили её в клетку и заставили страдать от жажды, — а теперь устраивали ей пышные похороны и проливали над ней горькие слёзы!

Дёрн с ромашкой был выброшен на пыльную дорогу; никто и не подумал о той, которая все-таки больше всех любила бедного жаворонка и всем сердцем желала утешить его.

ПЯТЕРО ИЗ ОДНОГО СТРУЧКА

В стручке сидело пять горошинок; они были зелёные, и стручок зелёный,— вот они и решили, что весь мир тоже зелёный, и решили правильно! Стручок рос, росли и горошинки; все они сидели в один ряд — такая уж у них была квартира! Снаружи стручок освещало и согревало солнце, а дождик обмывал его; внутри стручка было тепло и уютно, днём светло, а ночью темно, как это и полагается. Горошинки всё росли да росли и все больше и больше размышляли, сидя в стручке: чем-нибудь ведь надо было заняться!

«Неужели я всегда так и буду сидеть здесь?— думала каждая.— От долгого сиденья ведь и затвердеть можно! Я чувствую, что там, за стеной, что-то есть!»

Прошло несколько недель, горошинки пожелтели; пожелтел и стручок.

— Весь мир желтеет!— говорили горошинки; и были правы. Но вдруг они услышали треск: кто-то сорвал стручок и сунул его в карман своей куртки, уже набитый стручками.

— Ну, сейчас нас выпустят на волю!— вскричали горошинки и стали ждать.

— Хотела бы я знать, кому из нас пятерых повезёт больше

всего?— проговорила самая маленькая горошинка.— Ну, да скоро это выяснится.

— Будь что будет!— сказала самая крупная.

Крак!— стручок лопнул, и все пять горошинок выкатились на яркий солнечный свет. Маленький мальчик держал их на раскрытой ладони и говорил, что они годятся для его ружья. Он тотчас же зарядил ружьё горошиной и выстрелил.

— Я лечу в широкий мир! Поймай-ка теперь меня, если сможешь!— пискнула горошинка и скрылась из глаз.

— А я,— сказала вторая,— полечу прямо на солнце; солнце— это как раз такой стручок, какой мне нужен!— и тут же исчезла.

Две другие горошинки проговорили:

— Где бы мы ни очутились, будем там спать; куда-нибудь да попадём!

И хотя они скатились на землю, но ружья все-таки не миновали.

— Ну, мы улетаем дальше всех!— крикнули они.

— Будь что будет!— сказала последняя горошинка, улетающая.

Ружьё выстрелило, горошинка взлетела вверх, потом упала на старый дощатый подоконник под чердачным окошком и угодила прямо в щель, где в мягкой земле рос мох. Горошинка укрывалась во мху, да так и лежала там— спрятавшись, но не забывтая судьбой.

— Будь что будет!— повторила она.

В маленькой чердачной комнатке жила бедная женщина, которая днём уходила топить печь в чужих домах, пилить дрова и вообще делать всякую чёрную работу. Женщина была сильная и прилежная, а все-таки жила в бедности. Дома, в тесной каморке, лежала её единственная дочка-подросток, тоненькая и тщедушная, которая болела вот уже целый год; она и жить была не в силах, и умереть не могла.

— Отправится вслед за сестрёнкой!— говорила её мать.— Родились у меня две дочки; нелегко, конечно, было прокормить обеих,— вот господь и поделил их: одну взял к себе... Лишь бы мне эту не потерять, что со мной осталась. Но бог, пожалуй, не захочет, чтобы она жила в разлуке с сестричкой, и возьмёт её к себе.

Азербайджанская Республика
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
имени Ф. Кулиева
№ 178091

Однако больная девочка осталась жить; она весь день терпеливо и тихо лежала в кровати, пока мать ходила на заработки.

Настала весна. Однажды ранним утром, когда мать собиралась на работу, а солнце ярко играло на полу, пробиваясь сквозь крошечное окошко, больная девочка посмотрела на него и воскликнула:

— Что это такое зелёное виднеется за стеклом? Оно колыхается на ветру.

Мать подошла к окошку и, приоткрыв его, сказала:

— Э, да здесь какое-то растение выросло; это горох выпустил свои зелёные листочки. И как он попал сюда в щель? Вот тебе и садик, любуйся на него.

Кровать переставили ближе к окну, чтобы больная девочка могла лучше видеть гороховый росточек, а мать ушла на работу.

И вот вечером девочка сказала:

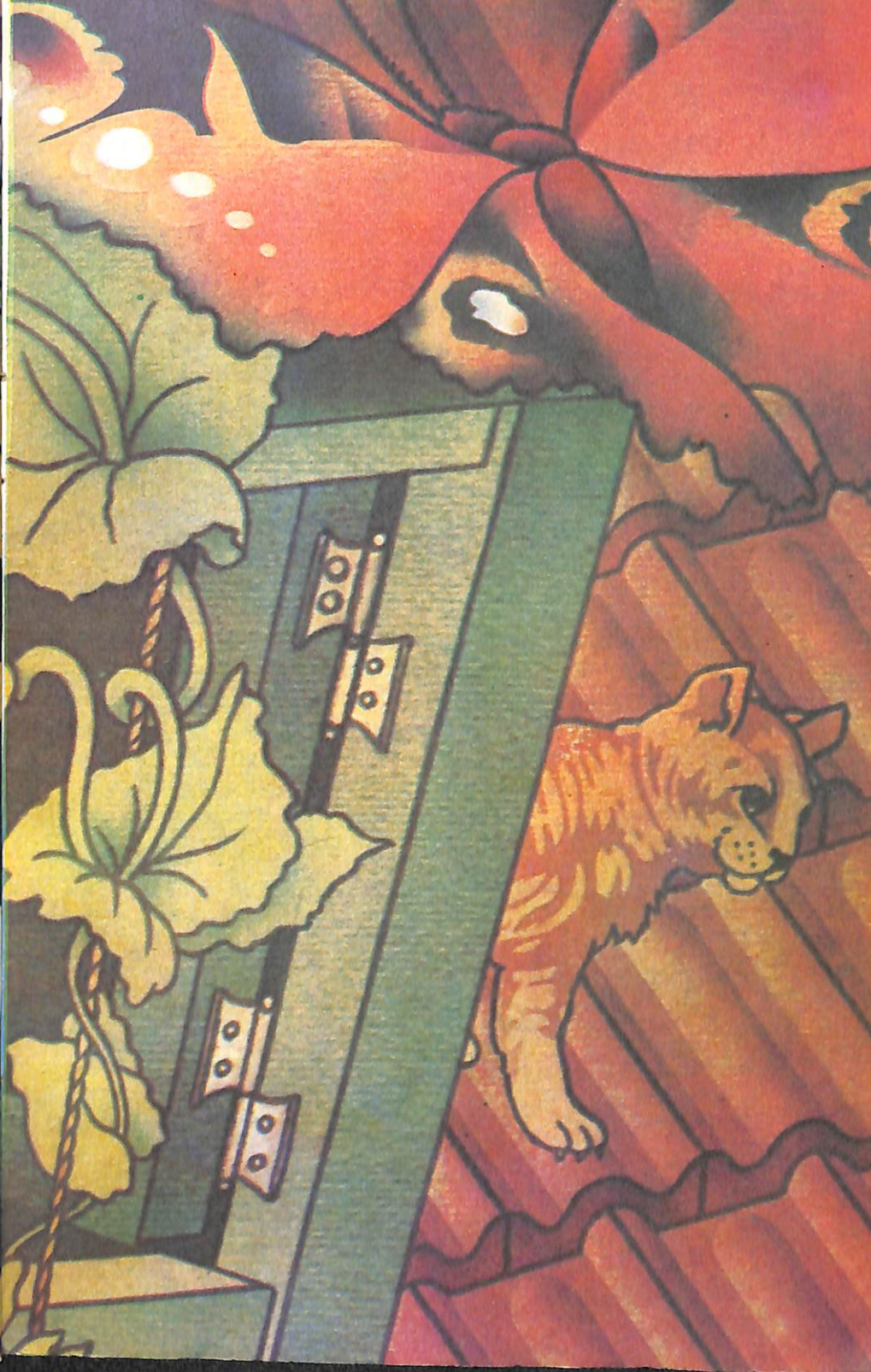
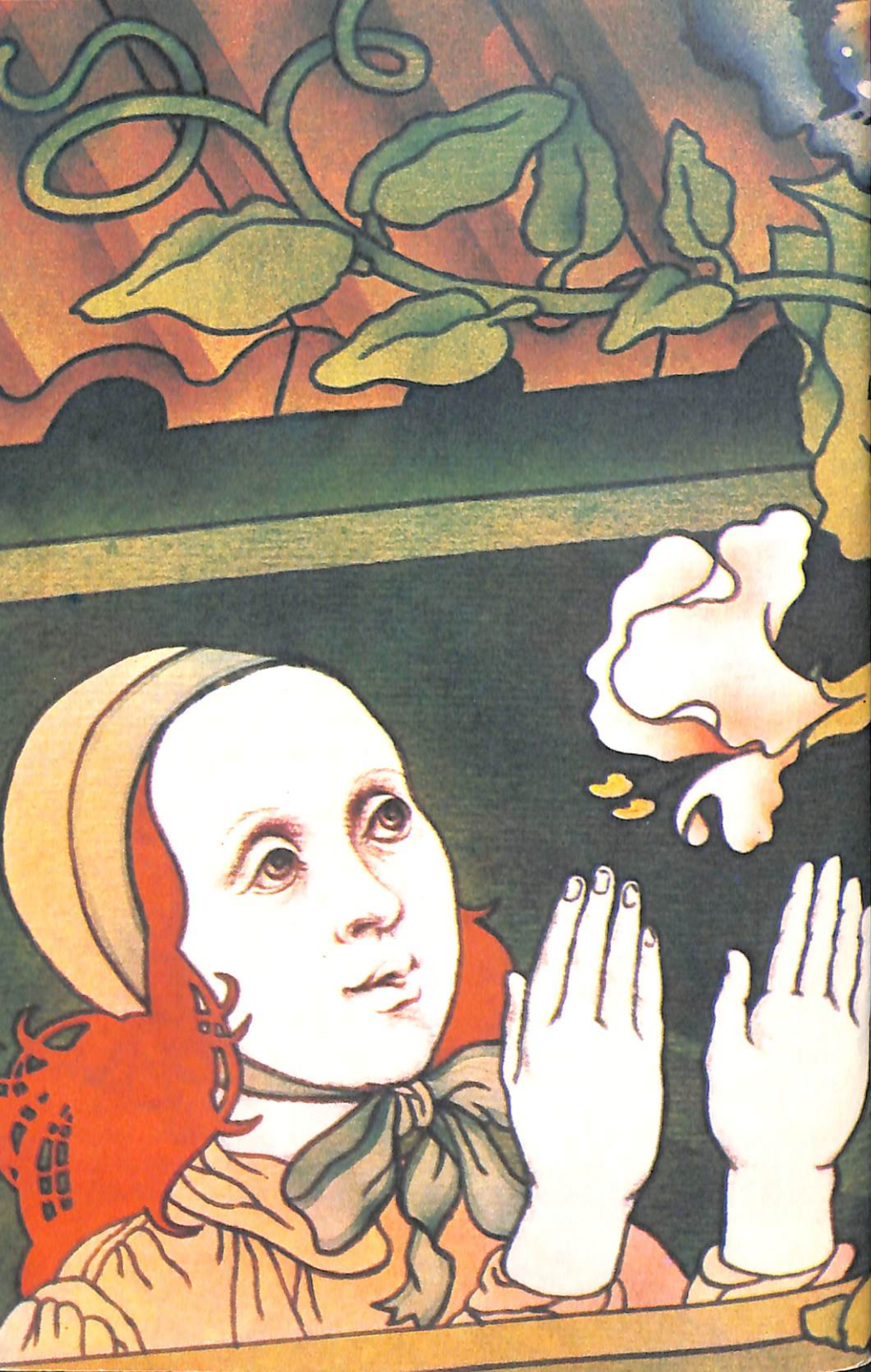
— Мама, мне кажется, я выздоравливаю... Сегодня солнце светило мне так ласково. Смотри, как хорошо прижился горошек. Мне тоже будет хорошо на солнышке, и я поправлюсь.

— Лишь бы тебе стало лучше!— отозвалась мать, хоть сама и не верила в это. Она подставила палочку к зелёному ростку, чтобы его не сломал ветер,— ведь это горошек приободрил её девочку.

Крепко привязав бечёвку к подоконнику, она другой конец прикрепила к самому верху оконной рамы, чтобы стебелёк гороха мог держаться и, подрастая, виться вокруг бечёвки. И горошек вился и с каждым днём рос всё заметнее.

— Гляди-ка, да он скоро зацветёт!— сказала однажды утром мать и сама уже стала надеяться и верить, что её больная девочка поправится.

Женщине показалось, что за последнее время дочка её повеселела; она нередко сама приподнималась на постели утром и сидела, глядя сияющими глазами на свой маленький садик, в котором рос один-единственный стебелёк гороха. Неделию спустя больная впервые встала с постели на целый час. Она блаженствовала, греясь на солнышке. Окно было раскрыто, а за окном пышно распустился светло-розовый цветок горошка.

Девочка наклонилась и очень осторожно поцеловала тонкие лепестки. Этот день был для неё настоящим праздником.

— Видно, сам господь посадил горошек и взрастил его, чтобы послать надежды и радость тебе, мое драгоценное дитя, да и мне тоже!— сказала счастливая мать, глядя на цветок, и улыбнулась ему так, словно он был ангелом-хранителем.

Ну а что же случилось с другими горошинами? Та, что полетела в широкий мир и кричала: «Поймай меня, если сможешь!», очутилась сначала в кровельном жёлобе, а потом попала в голубинный зоб, где и лежала, словно пророк Иона в чреве кита.

Обе горошины-соны залетели туда же и были съедены голубями, а значит — все-таки принесли немалую пользу.

А четвёртая, которая хотела полететь на солнце, упала в жёлоб и не одну неделю провалялась там в затхлой воде, отчего вся распухла.

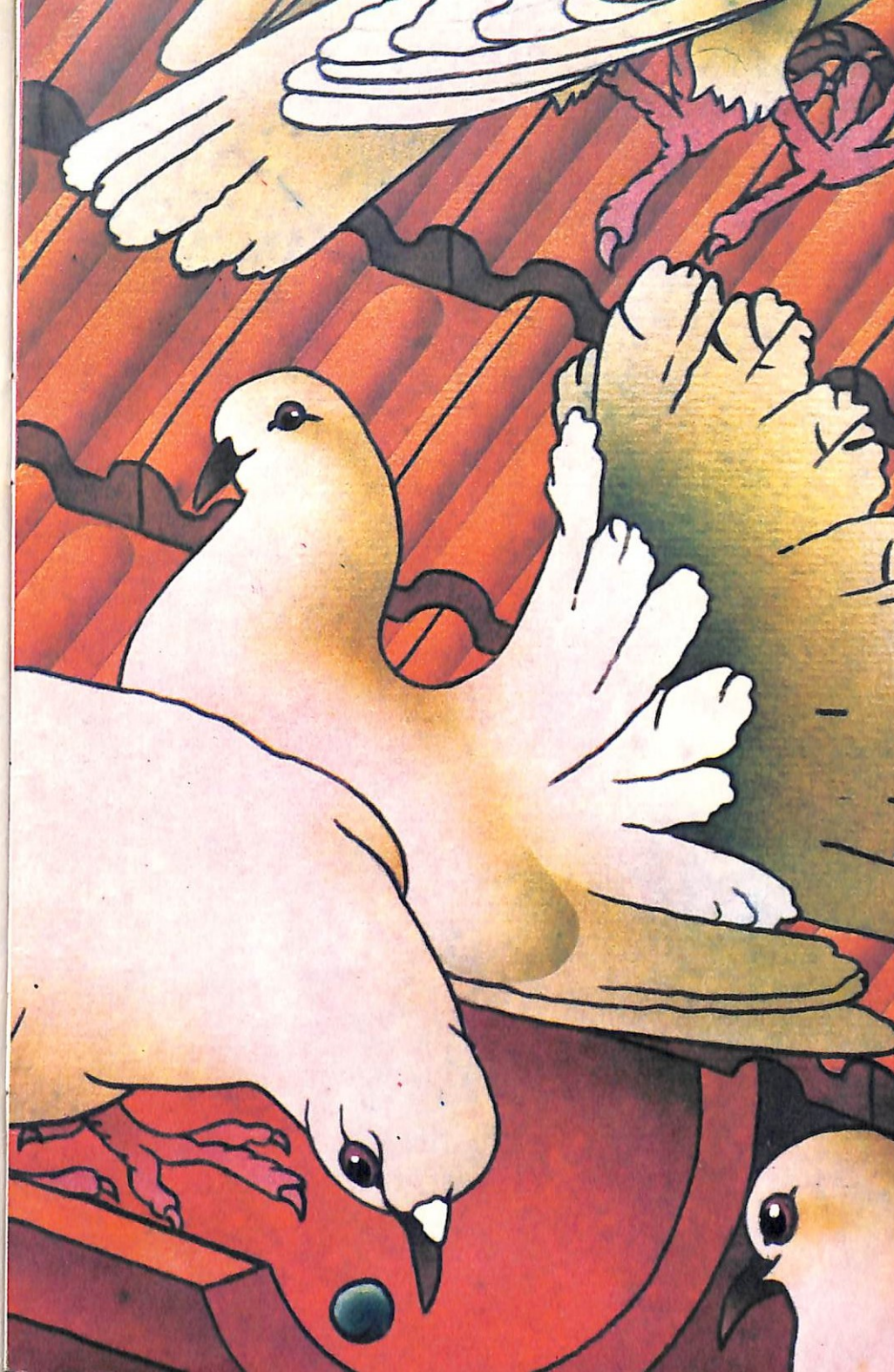
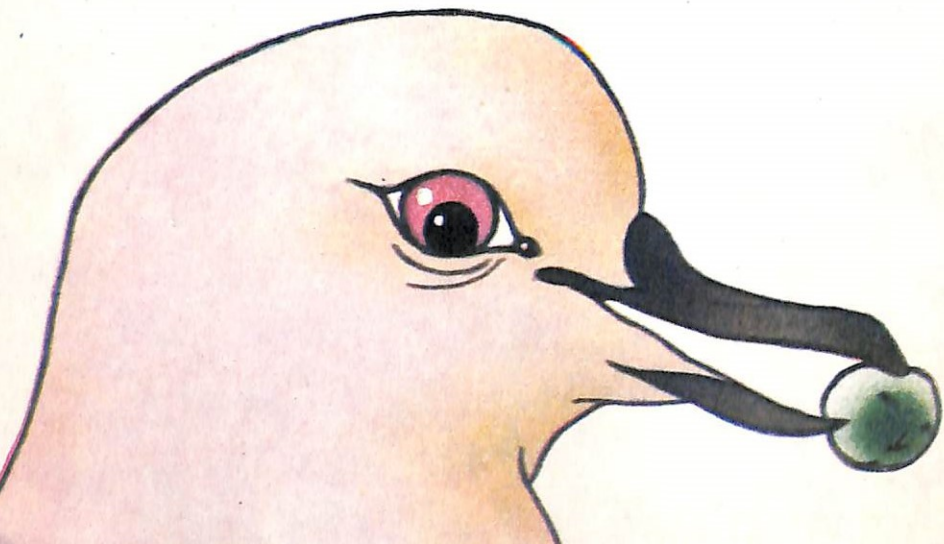
— Ну и раздобрела же я!— сказала горошина.— Скоро лопну, чего, мне кажется, ещё ни одна горошина не сумела и не сумеет добиться. Я самая замечательная из всех пяти горошинок в нашем стручке!

И она встретила полную поддержку у жёлоба.

Возле чердачного окошка стояла юная девушка, и её глаза сияли, а на щеках горел здоровый румянец. Она сложила свои тонкие руки перед цветком горошка и благодарила бога за него.

А жёлоб сказал:

— И всё-таки самая замечательная из горошинок — моя горошинка!

Для дошкольного возраста

Ганс Христиан Андерсен

РОМАШКА. Перевод *А. В. Ганзен*
 ПЯТЕРО ИЗ ОДНОГО СТРУЧКА. Перевод *А. И. Кобецкой*

Художник *М. Г. Цветова*

Редактор *Ю. В. Забелло*
 Художественный редактор *В. А. Каретко*
 Технический редактор *Н. И. Чигина*
 Корректор *В. М. Воронкина*

ИБ № 1414

Сдано в набор 09.12.83. Подписано к печати 05.10.84. Формат 60x90/16.
 Бумага офсетная. Гарнитура Литературная. Печать офсетная. Усл. печ.
 л. 1,5. Усл. кр.-отт. б. Уч.-изд. л. 2,31. Тираж 400000. (1-й завод
 75000 экз.). Заказ 1687. Изд. № 104. Цена 15 коп. Ставропольское укруп-
 ненное книжное издательство, 355105, г. Ставрополь, пл. Ленина, 3.
 Краевая укрупненная типография Управления издательств, полиграфии
 и книжной торговли Ставропольского крайисполкома, 355106, г. Ставро-
 поль, ул. Артема, 18.